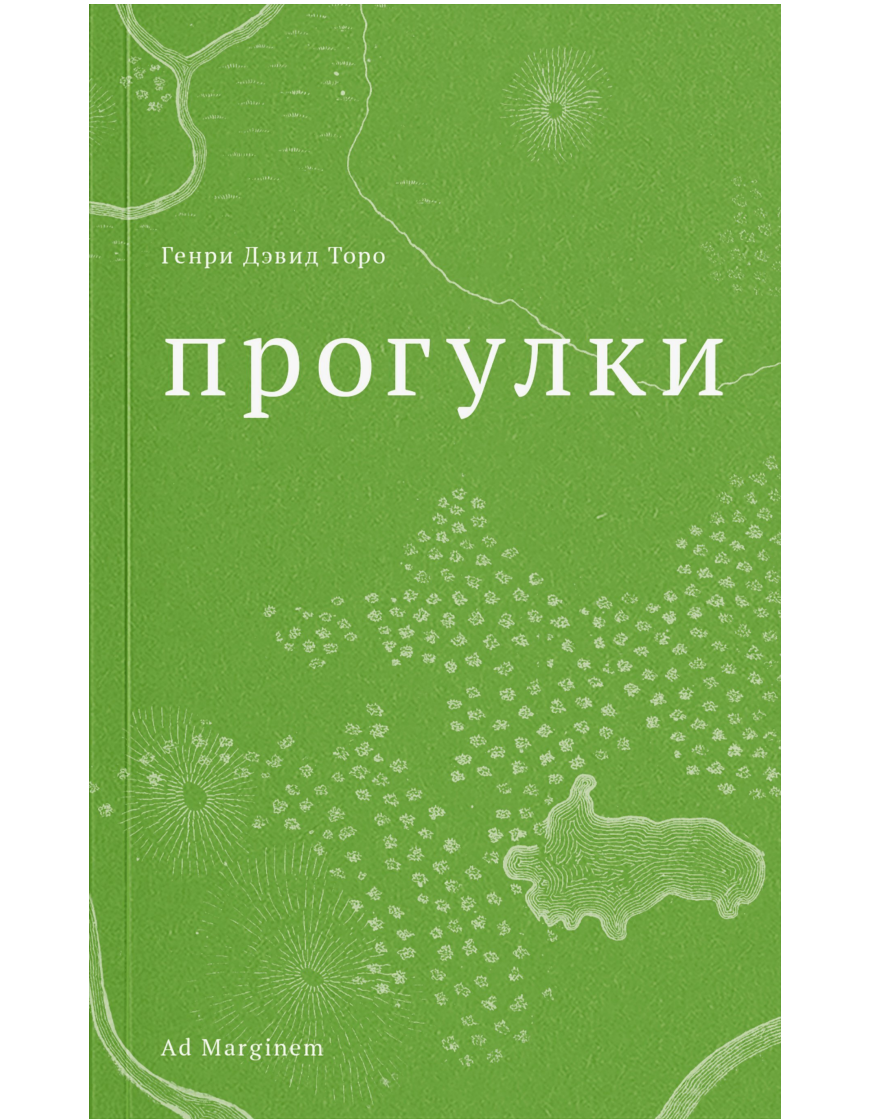

Генри Дэвид Торо

прогулки

Ad Marginem

Генри Дэвид Торо

Прогулки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74415981

Г. Д. Торо. Прогулки: ООО «Ад Маргинем Пресс»; Москва; 2026

ISBN 978-5-908105-24-8

Аннотация

Американский писатель и философ Генри Дэвид Торо (1817-1862), автор знаменитого «Уолдена», провел жизнь в тесном контакте с природой. Лирическое эссе «Прогулки» – квинтэссенция многолетних наблюдений Торо, один из ключевых текстов американской натурфилософии и экологической мысли. Опубликованная посмертно в 1862 году, эта работа выходит за рамки жанра, превращаясь в глубокое исследование феномена передвижения. Писатель одним из первых воспринял ходьбу как важнейший инструмент познания себя и окружающего мира, а искусство неспешного странничества – как тихий бунт против суетливого ритма жизни, насажденного цивилизацией. Читая книгу, мы совершаем неторопливую прогулку по лесам, вместе с автором размышляем о магии дикой природы, о притягательности Запада как символа неизведанного и о том, почему для сохранения рассудка человеку необходимо отстраняться от утилитарного мира.

Содержание

Хождение в глушь	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Генри Торо

Прогулки

Henry David Thoreau
Walking

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

* * *

Хождение в глушь

Представим себе далекие время и место: вечер среды 23 апреля 1851 года – городок Конкорд, штат Массачусетс. Из проживавших в нем двух тысяч человек несколько десятков собрались в местной унитарийской церкви на очередную лекцию по программе Американского лицея. Этот почтенный институт, созданный для распространения полезных знаний, за четверть века существования распространился в разные штаты, но именно в Массачусетсе процветал как нигде. Тут было кому поддерживать начинание ежегодными взносами, было кому слушать лекции и было кому их читать: сам Ральф Уолдо Эмерсон, известный всей Америке оратор и эссеист, жил в Конкорде и выступал перед земляками не только охотно, но и бесплатно. Генри Дэвид Торо, лектор, поднявшийся на кафедру в тот апрельский вечер, тоже был из местных, – младший член эмерсоновского кружка трансценденталистов, многим присутствующим знакомый по-соседски. Отец его держал карандашную фабричку, небольшое семейное производство, – сын отучился в Гарварде, но за пробежавшие с тех пор полтора десятилетия ничем не отличился и даже профессии себе не выбрал. Жил в родительском доме или временами в доме Эмерсона в качестве секретаря и помощника, подрабатывал то учителем, то землемером, а то еще, по собственному выражению, «инспектором

ливней и снежных бурь». Последнее подразумевало много-часовые прогулки по окрестным лесам и полям, без цели, какой-либо выгоды и почтения к чужим заборам. На ходу и по пути он что-то записывал, на полях шляпы приносил домой ботанические образцы. Иногда путешествовал дальше – по рекам Конкорд и Мерримак, в леса Мейна, на полуостров Кейп-Код, – но тоже недолго и тоже без определенной цели. Самую знаменитую из своих экскурсий Торо предпринял на Уолденский пруд – всего в паре километров от города, пятнадцать минут быстрым шагом. Весной 1845 года, позаимствовав у соседа топор, он соорудил там скромное жилище общей площадью четырнадцать квадратных метров и День независимости США, 4 июля, отметил переездом. У пруда он прожил два года, два месяца и два дня, наблюдая за природой, размышляя и работая над текстами сразу двух книг, из которых первую – «Неделю на реках Конкорд и Мерримак» – опубликовал на собственные средства в 1849 году. Затея оказалась неудачной: из тысячи заказанных экземпляров несколько десятков были раздарены, еще пара сотен распродана постепенно, а оставшийся тираж издатель Джеймс Мунро в 1853 году выслал автору, чтобы освободить чердак. Автор описывал ситуацию с горькой иронией: располагаю домашней библиотекой в девятьсот томов, из которых семьсот сам же и написал, – разве не удовольствие для писателя созерцать ежедневно плоды собственного труда? Неудивительно, что книгу «Уолден», вторую из написанных на пруду,

ду и в итоге главную в его жизни, писатель не выпускал из рук аж до 1854 года: правил, переделывал снова и снова, о публикации говоря не иначе, как с подчеркнутым равнодушием. Например, он сравнивал себя с кустом барбариса, который озабочен исключительно производством плодов, а не тем, оценит ли кто их сладость.

При жизни Торо остался малоизвестен, прослыл чудачком и приобрел репутацию, буквально сотканную из противоречий: домосед, которому не сиделось на месте, интроверт с радикальной социальной позицией, преданный друг и радетель за человечество, подозреваемый в мизантропии. С лекциями он выступал чаще, чем публиковался, но всё равно редко: семьдесят четыре раза за двадцать лет (Эмерсон – правда, за сорокалетнюю карьеру, – более полутора тысяч раз). Пошутил однажды: читаю лекции так, чтобы не позвали вторично, и благодаря этому не повторяюсь. Что ж, судя по сохранившимся суждениям слушателей, оратором Торо был неважным: бубнил, глядя в рукопись, говорил интересно, но зачастую темно, растолковывать себя даже не думал и еще меньше стремился потрафить вкусу аудитории. «Лектор всерьез обращается лишь к тем, кто ему самому подобен, приспособление к публике с его стороны – не более чем вежливость»¹, – так он комментировал в дневнике эту впол-

¹ Здесь и далее дневник цитируется по изданию: The Journal of H. D. Thoreau in 14 vols / ed. B. Torrey. New York: Dover, 1962. Vol. 7. P. 197: <https://www.walden.org/wp-content/uploads/2016/02/Journal-8-Chapter-4.pdf>

не принципиальную свою стратегию. И хоть иронии, поэзии, остроумия, юмора в его речах содержалось с избытком, были они того сорта, что не всяк расслышит.

Большинство произведений Торо созревали путем многократных преобразований: дорожные заметки переносились в дневник, дневниковые записи давали материал для лекций, лекции превращались со временем в печатные тексты. Так получилось и с лекцией, которую вам предстоит прочитать: изначально Торо возлагал на нее большие надежды (на первой странице рукописи, использованной в апреле 1851 года, написал: «Я полагаю это своего рода введением ко всему, что, возможно, напишу в будущем»²), и в дальнейшем читал в разных аудиториях не менее десятка раз. В июле того же года, вскоре после собственного дня рождения, оставил в дневнике такую запись: «И вот мне тридцать четыре, а жизнь едва ли началась. Как много ее таится в зародыше! Столь велик разрыв между моим идеалом и нынешним состоянием, что я, можно сказать, еще не родился. Есть чувство общности, но сообщества нет. Жизнь слишком коротка, чтобы преуспеть в ней каким-то определенным образом. И едва ли подобное чудо может постигнуть меня в следующие тридцать четыре года. Похоже, что времена моего духа сменяются медленнее, чем в природные сезоны, — я живу в другом ритме, но против ничего не имею. Круговорот состояний

² Dean B. P. A Sort of Introduction // Thoreau Research Newsletter. 1 January 1990. P. 1.

в природе, даже моей собственной, протекает не в пример быстрее, но разве это обязывает меня к спешке? Пусть всяк шагает под музыку, которую слышит, в своем особом ритме. Разве важно, чтобы внутреннее мое созревание происходило с быстротой роста яблони? Или дуба? Разве не может моя природная жизнь, в той мере, в какой она также и сверхприродна, быть лишь весенне-детской фазой жизни моего духа? Стоит ли поторапливать весну в лето? Разве не лучше пожертвовать завершенностью, слишком поспешно и мелочно достижимой здесь, ради полноты, достигаемой там?»³

Этой бережной ненасильственностью отношения к жизни можно восхититься, но... в распоряжении Торо не было следующих тридцати четырех лет. Туберкулез в позапрошлом веке был смертельной болезнью, и весеннее начало жизни оказалось ее кульминацией. В конце 1850-х здоровье резко ухудшилось, и зима 1860/1861 года оказалась его последним лекторским сезоном. Уже в виду неизбежного конца в январе 1862-го он получил от Джеймса Филдса, редактора бостонского журнала *The Atlantic Monthly*, предложение – дать небольшой материал для публикации (возможно, то был результат благотворительного вмешательства Эмерсона). Решено было подготовить к печати четыре лекции, но времени, увы, не осталось. 11 марта рукопись отправилась к Филдсу, однако полученную от него издательскую верстку чи-

³ Journal. Vol. 2. P. 316: <https://www.walden.org/wp-content/uploads/2016/02/Journal-2-Chapter-6.pdf>

тал, скорее всего, уже не сам Торо, а помогавшая ему сестра София. Так эссе, которое он полагал введением, стало первой посмертной публикацией. Теперь впервые она становится доступна по-русски.

В связи с этим стоит заметить, что перевод прозы Торо труднее, чем чтение, и так же труден, как перевод поэзии. Играющий метафорами текст рассчитан на активное соучастие читателя – он скорее побуждает к производству смысла, чем его в себе заключает, и, по сути, исключает однозначность прочтений. Взять хотя бы название лекции, изначально – двойное: *Walking, or The Wild*⁴. Оба слова просты, куда проще, но трудно найти им точные аналоги. Вариант «Прогулки» оправдан тем, что совпадает с названием книги, в которой эссе было опубликовано почти сразу вслед за публикацией журнальной⁵. Глагол «walk» в английском языке может быть также и существительным, а форма «walking» использована в данном случае очень осознанно. Торо интересуется процесс, сама природа того повседневно-привычного *действия*, которое мы осуществляем, ступая поочередно ногами и ежесекундно балансируя между падением вперед и восстановлением равновесия.

⁴ Иногда Торо делил лекцию на две части, например, в феврале 1852 года, выступая в городке Плимут, с утра говорил о прогулках, вечером – о дикой природе.

⁵ В феврале 1863 года тот же Филдс напечатал книгу, которую сначала думал назвать «Полевые заметки», потом переименовал в «Прогулки» («Excursions»): девять ранее опубликованных эссе Торо с предисловием Эмерсона.

Хождение как приключение

Встав на ноги шесть миллионов лет назад, человек во многом благодаря этому обрел способность говорить, думать, творить и долгое время не знал иного способа перемещения в пространстве. Потом придумал использовать дополнительную силу и стал передвигаться верхом, в экипаже, поезде, автомобиле, автобусе, самолете. Но чем совершеннее и доступнее становились транспортные средства, тем заметнее пешее движение стало ассоциироваться уже не с бедностью и низким социальным статусом, а, наоборот, с привилегией – наличием досуга, свободы и навыка ими распоряжаться. «Ходьба таит в себе нечто такое, что оживляет и заостряет мои мысли, – писал Руссо в «Исповеди», – я почти совсем не могу думать, сидя на месте; нужно, чтобы тело мое находилось в движении, для того чтобы пришел в движение и ум»⁶. Неспешность прогулки располагает пешехода к сосредоточенности и наблюдательности, говорит косвенно об интеллектуальной автономии и эстетической чуткости. А как разнообразны и выразительны стили гуляния – от строгой методичности Канта до вдохновенной стихийности романтических «прогульщиков», как Гёльдерлин, Вордсворт, Кольридж. Им наследовали городские фланеры, сюр-

⁶ Цит. по пер. М. Розанова, Д. Горбова.

реалисты с их блужданиями, ситуационисты с их дрейфами и так далее, вплоть до современных практиков walking art. Так складывалась традиция, в которой прогулка – не аристократический променад, не буржуазный моцион для здоровья, не полезно-познавательная экспедиция, не детективное разыскание... что же? Форма полноценного присутствия в мире, – когда сознание, тело и среда, мысль и движение соединяются, как ноты в едином аккорде, под знаком взаимной рефлексии.

Соседи и знакомые Торо вспоминали его шаг – широкий (хотя ростом он был невысок), ровный, легкий, – шаг, в котором не было танцевальной грации, а было что-то «индейское» или «солдатское». Шагом он часто пользовался как естественной мерой длины, работая землемером, но больше ценил в прогулках импровизационное качество. Упорно предпочитал бездорожье и всячески избегал очевидных удобств, сопряженных со «следованием за»: «Поверхность земли мягка и легко принимает отпечатки человеческих ног, – читаем мы в финале „Уолдена“, – так обстоит и с путями, которыми движется человеческий ум»⁷. Но оказаться в плену следа, отпечатка, пусть даже собственной ноги, тем более протоптанной тропы или наезженной колеи – это для Торо невыносимо. Тропа – плод привычки, дорога – результат властного освоения пространства, ни в том ни в другом

⁷ Торо Г. Д. Уолден, или Жизнь в лесу / пер. З. Е. Александровой. М.: Наука, 1980. С. 373.

он не видит ценности. К тому же дорога всегда ведет к полезной цели, будь то бакалейная лавка или извозничий двор, а безлошадному, безземельному пилигриму такая цель опять-таки не интересна. Пеший странник независим от институтов, он представляет человечество в целом и сам себя относит к «четвертому сословию», состоящему из сообщающихся на расстоянии родственных душ.

Хождение в дикую природу (the Wild) Торо мыслит как приключение и путешествие, независимо от его протяженности. Об этом нам напоминает странная фраза в начале «Уолдена»: *I have travelled a good deal in Concord*. Впрочем, в переводе Зои Александровой она звучит уже не странно: мы читаем: «Я много бродил по Конкорду» – и перестаем чувствовать драгоценный парадокс близости-как-дали. Убежденность в том, что из любой точки можно с легкостью попасть на край земли, где не ступала нога человека, превращает простейший акт – пойти пройтись – в род религиозной практики. Готовясь к прогулке, объявляет нам Торо, надо оставить отца и мать, сестру и брата, детей и друзей, раздать долги, написать завещание, освободиться от всех мирских обязательств...

Глушь как граница

Пуритане, в том числе основатели Конкорда (землю они прикупили у индейцев за бусы и топоры, но всё же не отняли, – отсюда название поселения: «согласие», «соглаше-

ние»), описывали словом wilderness пустыню, пространство тяжких испытаний, где человек осажден со всех сторон боготпротивными силами. Праведники, предохраняясь от ужасов одичания, доказывали свою преданность божественному «ковенанту» (тоже род «соглашения»), покоряя, возделывая природу и читая ее знаки как аллегорические послания свыше. Торо тоже природу читает, но не как набор символов, предполагающий умственное усилие расшифровки, а как естественные иероглифы, глифы, транслирующие скорее энергию, чем готовые значения. И состояния природы, и жанры диалога с ней разнообразны: она может «симпатизировать» человеку, а может повернуться ликом величественно равнодушным. Этот поразительный опыт постигает Торо при восхождении на гору Ктаадн как соприкосновение с перевозданной материей, исполинской и грозной, которая внушает незваному гостю ощущение собственной случайности, побуждает спрашивать: «Кто же тогда ты сам?»⁸

Дикую природу Торо описывает как то, что всегда позади и всегда впереди – фронтир, рубеж, выходя на который человек теряет себя и находит заново, следовательно, сохраняет. Адаптивное самообновление – секрет развития жизни (поэтому «каждое дерево посылает свои корешки на поиски дикого состояния») и секрет творчества: «Тот, кто неуклонно продвигался вперед и не отдыхал от трудов, кто стре-

⁸ Торо Г. Д. Ктаадн // Американская повесть. Т. 1 / пер. З. Е. Александровой. М: Художественная литература, 1991.

нительно рос и бесконечно чего-то хотел от жизни, непременно очутится в новой стране или на лоне дикой природы, окруженный сырой материей жизни». Чуткостью к «сырой материи», отнюдь не возвышением над ней, определяются, по мысли Торо, высшие достижения культуры: «Нас восхищают нецивилизованные, дикие и свободные рассуждения в „Илиаде“ и „Гамлете“, во всех мифологиях и священных книгах, которые не проходят в школе». Но школьный канон предъявляет природу укрощенную, прирученную, одомашненную, – и именно в следовании канону Торо видел проблему современной ему американской словесности. Завидуя культурности европейцев, его соотечественники отчаянно подражали чужим достижениям и тем лишь усугубляли собственный провинциализм. Надежду Торо возлагает на изменения в будущем, когда «поэты со всего света будут черпать вдохновение в американской мифологии». Но, спрашивается, что такое мифология? И что он понимает под «мифологическими фактами», о которых рассуждает на страницах дневника, оговаривая, что резко расходится со здравым смыслом и имеет в виду «не те факты, что помогают людям делать деньги или фермерам выгодным образом вести хозяйство», а «факты, подсказывающие, кто я есть, где был прежде и что думал». Иначе говоря, факты для него – это сгустки опыта, они чувственно осязаемы, хотя и отмечены неопределенностью, похожи в этом на облака или туманные

испарения⁹. Мифична, на взгляд Торо, поэзия Уолта Уитмена, которой как раз в 1850-х годах он оказался одним из первых читателей и ценителей. Слишком откровенная чувственность «Листьев травы» его явно коробит, но книгу в целом он полагает «очень смелой и очень американской». В Бруклине в ноябре 1856 года у них даже состоялась встреча с Уитменом и разговор, порадовавший обоих, хотя и не обошлось в нем без полемики: Уитмен заявил о своем желании «быть представителем Америки», на что Торо ответил, что сам он «невысокого мнения об Америке или политике», чем поэта (как сам признается в письме) «возможно, обескуражил»¹⁰.

В лекции Торо различим отзвук той патриотической, саморекламной риторики, которой американцы в XIX веке компенсировали комплекс культурной недостаточности, – с легким пародийным окрасом. Оратор готов согласиться с общим мнением: в Новом Свете небо куда как выше, воздух свежее, стужа крепче, звезды ярче, реки длиннее, леса обширнее и т. д., чем в Старом, – но спрашивает: сможет ли *Ното американус* соответствовать этому великолепному вызову? И признает ли природа национальную принадлежность и бодрую идею прогресса? Разве не в ту же самую природу

⁹ Journal. Vol. 3. P. 99: <https://www.walden.org/work/journal-iii-september-16-1851-april-30-1852/>

¹⁰ The Correspondence of Henry David Thoreau / ed. W. Harding, C. Bode. NYC: New York University Press, 1958. P. 444–445: <https://www.walden.org/wp-content/uploads/2016/08/1856.pdf>

хаживали пророки и поэты древности – Мани, Моисей, Гомер, Чосер? «Если угодно, назовите это Америкой, – заключает он, – но это не Америка».

«Дикая мысль» как живая метафора

Мысль, рождающаяся на ходу, среди поля и леса, другая, чем произведенная взаперти: она более чувственна и осязаема, более равновесна и соразмерна естественному ритму движения, рассредоточена в руках, ногах и голове, в зрении, слухе и осязании. «Замеченное мимоходом и краем глаза потом еще долго витает в мыслях, чревато бесконечными смыслами, – а разглядывать предмет напрямую тем более нет нужды, что я знаю: самое важное для меня – не в нем самом, а в моих отношениях с ним¹¹». Сложность состоит в том, чтобы этот богатый опыт отношений, взаимодействия с миром суметь освоить мыслью и передать в слове.

Гуляя в лесу, настаивает Торо, важно думать о лесе и заодно с лесом, – как думают деревья, стоя по отдельности, но сообщаясь посредством сложно переплетенной корневой системы (тут ловишь себя на том, что – да! именно так мы и движемся по тексту Торо, соединяя отдельные ходы, или узлы, или отростки мысли в подобие ризомы). Если природа

¹¹ Journal. Vol. 10. P. 164; <https://www.walden.org/work/journal-x-august-8-1857-june-29-1857/>

говорит «без метафор»¹², то в попытках следовать ей мы, как ни парадоксально, без метафор не можем обойтись, – и речь становится разом прозрачной и темной, не объясняющей, а лишь подсказывающей, притом лишь тому, кому подсказки достаточно, кто расположен к чтению творческому, которое Торо называет «героическим».

Возьмем для примера пассаж, которым открывается лекция и который как будто не сулит неожиданностей: «Я хочу сказать слово в защиту Природы, абсолютной свободы и первозданности <...>. Я хочу сделать решительное, даже, пожалуй, эксцентрическое заявление...» Присмотримся к двусмысленному поведению предлога *for* (*I wish to speak a word for Nature*), ставшего невидимым в переводе. Намерен ли Торо сказать слово *в защиту* природы или *от имени* природы? Обе возможности заявлены одновременно, но чуть далее обе же проблематизируются. Ибо природа как субъект неизмеримо больше и сильнее человека: «Природа – личность столь широкая и всесторонняя, что мы ни разу не видели ни единой ее черты». Как защитник природы человек не может не искать в ней спасения, а говорить от ее лица он вправе лишь при условии, что радикально преобразует свой язык в подражание ее немоте. «Дикая мысль» гибка и проворна («Как дикая утка проворнее и красивее, чем домашняя, так и дикая мысль подобна крикве, что среди павших рос летит над болотами»), а потому воплощается в речи странной – гипер-

¹² Торо Г. Д. Уолден, или Жизнь в лесу. С. 133.

боличной, эксцентрической, даже экстравагантной.

Такой же парадоксальной характеристикой оказывается «отрицательность» полноценного знания, никак не сводимого ни к широкой информированности, ни к догматической предубежденности. Вот, например, одно из описаний такого знания: «Жажда знаний посещает меня лишь время от времени, тогда как жажда витать мыслями в атмосферах, неизвестных моим ногам, не увядает и не престаёт. Высочайшее достижение, нам доступное, вовсе не знание, но осмысленное сострадание». И в переводе, и в оригинале лекции это вызывающе темное место. Первую фразу можно попробовать прояснить, усмотрев в ней ученую или мистическую аллюзию, например, к Эмерсону или к «Халдейским оракулам». Хотя не исключено, что здесь работает образная аналогия, пронизывающая текст в целом: мысли «витающие» и мысли «подножные» в равной мере свойственны человеку и делают его похожим на дерево – оно думает кроной и корнями, которые связаны обращением жизненных соков. Формула, венчающая вторую фразу – Sympathy with Intelligence, – также загадочно-неоднозначна. «Осмысленное сострадание» – вполне возможный перевод. Но возможен и другой вариант – с акцентом на сочувственной связи (Sympathy) с Сознательностью или «духом вселенной», который являет себя человеку не иначе как в природной, материальной воплощенности¹³. Мистико-материалистическое

¹³ Такое прочтение подсказывает и пассаж из дневника за 9 февраля 1851

кредо Генри Торо – «Я верую в лес, и в луг, и в ночь, в которой растет зерно», – настораживало современников, вызывая сомнения в его христианстве, позднейших исследователей побуждало рассуждать о связях с традицией пантеизма, но читателем его текстов воспринимается как интуитивно-понятное, художнически-убедительное.

Родственная взаимосвязь слов и вещей занимает Торо как мыслителя и как писателя. Его радует, например, то обстоятельство, что под именами, используемыми «исключительно для удобства», можно обнаружить имена «дикие»: реку, которую колонисты окрестили «Конкорд», коренные американские жители, алгонкины, называли Мускетаквид – «травяная/болотистая долина». Именно эту неудобную, трясинистую глухомань Торо и считал своей родиной – местом силы, *sanctum sanctorum*, в недрах которого вырабатывается гумус для почв далекого будущего. С поразительной легкостью, развивая этот причудливый тезис, он преобразует конкретное в абстрактное или, наоборот, заземляет пафос иронической провокацией, обращает моралистическую проповедь в комикование. Советует нам, например, излечение от меланхолии искать на болоте. А еще лучше – поселиться в доме, выходящем на непроходимую топь, и ничего, что

года, очевидным образом использованный в лекции: «Жажда знаний посещает меня лишь время от времени, тогда как жажда общаться с духом вселенной и опьяняться ароматами этого, скажем так, божественного нектара, не увядает и не престаёт»: Journal. Vol. 2. P. 150–151: <https://www.walden.org/wp-content/uploads/2016/02/Journal-2-Chapter-3.pdf>

пользоваться придется задней дверью, и сырость в погребе – небольшая беда! А если желаете возвыситься духом, почему бы для начала не залезть на дерево? Именно так поступил он сам и, хоть весь вымазался в смоле, был щедро вознагражден, обнаружив на горизонте новые горы, которые прежде не видел, а на самых кончиках верхних ветвей – нежные цветки, тоже мало кем виденные и тут же ему напомнившие о великих архитекторах древности: следуя урокам природы, они «отделывали вершины колонн так же тщательно, как подножия, которые у всех на виду».

Глушь, если задуматься, располагается совсем не там, где нам кажется! Не в природе, полной звуков, криков, голосов и эхо, а в нашей собственной интеллектуальной глухоте к ее нежным и властным зовам. «Если наша философия не слышит, как на каждом скотном дворе в пределах нашего окоема кричит петух, она отстала от жизни...» Утреннее кукареканье Торо-мифотворец ценит тем более, что и утро переживает не как часть суток, а как момент чистой радости бытия, пробуждения к новой возможности. Такому утру ничто не мешает начаться в вечерний час, ведь жизнь не знает конца, который не был бы чреват новым началом. Финал «прогулочного» эссе озарен поэтом светом закатным, но по-утреннему ярким, неповторимым и повторяемым бесконечно.

Для финала прибережен и другой, не менее важный пассаж, который открывается непритязательно-бытовым сообщением: «На днях я прогуливался по землям Сполдинга...»

Земля, которую семейство фермеров Сполдингов издавна считает своей, принадлежит одновременно семейству царственных деревьев. Деревья не замечают людей, как люди не замечают, что обитают в огромном доме, обустроенном отнюдь не ими. Но именно его Торо считает своим настоящим домом, в отличие от временного, по адресу Главная улица, 255: «Если бы не такие семейства, как это, я, пожалуй, и вообще уехал бы из Конкорда».

Он не уехал. Он прожил в Конкорде всю жизнь, в глазах горожан – довольно неудачную. Даже Эмерсон, лучше других его понимавший, сетовал на отсутствие в друге честолюбия: мог бы своей мыслью направлять всю Америку, а возглавил всего лишь поход в лес за черникой. Но, возможно, знаменитый философ ошибался: тот, кого он считал своим учеником, просто мыслил отважнее, чем учитель. Поход за черникой продолжается, и следующих в нем за Торо так много, что есть риск затоптать поляну усердным почитанием классика. Аромат и сладкий вкус дикой ягоды от этого не меняются и стоят того, чтобы их неторопливо распробовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.